

Динамика лексической и фразеологической сочетаемости в чешском языке

На примере коллокаций с существительным *radost*

ОЛЕГ ФЕДОСОВ

FEDOSZOV Oleg, ELTE Szláv Intézet, Budapest, Múzeum krt. 4/D, H-1088
E-mail: fedoszov@ludens.elte.hu

Abstract: The paper focuses on aspects of word relations in verbo-nominal collocations in Czech, based on the names of some emotions. In case of Czech I used the material from *The Czech National Corpus* (ČNK/SYN2000) only. Theoretical fundament of my research is based on conceptions of phraseology and semantics of D. O. Dobrovoljskij and Fr. Čermák.

Collocations are usually considered between free word combinations and idioms and they are generally studied in phraseology. According to my opinion, however, if collocations are only studied by phraseologists they are viewed as lexical anomalies. The results of my research show that they are regular word combinations and are only one way of nominations among other usual methods. In case of collocations the following question might arise if usage of their components is semantically motivated by the meaning of the words or not. The results based on the corpus which are frequency-oriented show that word combinations are always semantically motivated. In my opinion, however, if a certain noun expressing an emotion needs to be combined with a verb, semantic motivation is not predestinated but both the noun and the verb are able/must modify their meanings in order to express a necessary content.

Keywords: Word relations, collocations, phraseology, emotions, semantic motivation

0. Выделяя языковые параметры фразеологических неологизмов в докладе на конференции «Новая фразеология в новой Европе» (Щецин — Грейфсвальд, сент. 2001 г.) В. М. Мокиенко подчеркнул: «Важной лингвистической особенностью современных ФЕ-неологизмов является их образование и функционирование в процессе *языковой игры*, повышающей их динамический потенциал. Динамичность неологистики требует особой осторожности при диагностике фразеологического статуса конкретных единиц, причем решающим критерием становится оппозиция «устойчивость — неустойчивость» того или иного словосочетания» (Мокиенко 2002: 68–69).

Настоящий доклад базируется на материале исследования verbo-номинальных коллокаций современного чешского языка (используются материалы диссертации (PhD), защищенной автором в июне 2002 г. — см. Федосов 2002). Исследуется динамика фразообразовательных процессов, характер и особенности сочетаемости и функционирования чешских коллокаций, делается попытка выделения критериев для определения статуса коллокаций с опорой на категорию устойчивости.

Исследование глагольных коллокаций — в данном случае сочетаний глаголов с существительными абстрактного характера — названиями некоторых эмоций (*nomina affecti*), проводилось с использованием

базы данных Чешского национального корпуса (ЧНК – ČNK/SYN2000 – <http://ucnk.ff.cuni.cz/>). Преимущество корпусного метода — это работа на всем пространстве аутентичного языкового материала, понижающая произвольность или субъективность его отбора, с упором на статистические данные.

А. 1. Статус коллокаций

В русской фразеологии под *коллокациями* обычно понимаются устойчивые, в известной степени идиоматичные словосочетания фразеологического характера (см. Баранов и Добровольский 1996), однако фразеологический статус коллокаций неоднозначен, поэтому часто им отводится место «между свободными словосочетаниями и идиомами»:

Kolokace — „zvláště obvyklý/častý (a tedy do určité míry předpověditelný) souvšyk (= společný výskyt) samostatných lexikálních jednotek. Je realizací syntagmatického vztahu uvnitř lexikonu a k jeho vzniku většinou lze nalézt odpovídající interpretaci. Každé slovo má nějaké **kolokační omezení**, a to je často předmětem studia právě korpusové lingvistiky. Pozice kolokace na škále pevnosti mezislovních vztahů je někde mezi volným spojením a idiomem” (Šulc 1999: 77).

“By *collocation* we mean a group of words that occurs repeatedly, i.e. recurs, in language. These ‘recurrent phrases’ can be divided into *grammatical collocations* and *lexical collocations*” (Benson 1987: 61).

Несмотря на то, что изучение коллокаций (*Funktionsverbgefüge, Collocations, фразеологические сочетания*) имеет богатые традиции, проблемы определения статуса этих надсловных единиц в лексиконе, их роли с точки зрения общих тенденций в развитии лексической системы, особенностей их употребления и значения остаются актуальными, более того, приобретают новую значимость в свете задач современной лексикографии и семантики. Изучаемый именно в связи с коллокациями «феномен связанного значения остается «семантической загадкой» и по настоящее время» (Телия 1995: 25–26), хотя, как справедливо указывал Ю. Д. Апресян, «многие идеи и принципы, получившие полное развитие в самое последнее время, в виде догадок, гипотез, предположений высказывались и раньше», поэтому «всегда можно сказать ... что еще Л. В. Щерба задумывался о «правилах сочетания значений слов» и что эти мысли нашли сочувственный отклик у В. В. Виноградова» (Апресян 1999: 39).

2. Категория устойчивости

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский так определяют данную категорию: «Мы под устойчивостью понимаем фиксированность в узусе некоторого словосочетания, его узуализацию. С нашей точки зрения, структурный аспект устойчивости не является обязательным. Если узуализация отсутствует, то бессмысленно говорить об устойчивости со структурной или какой-либо другой точки зрения. При этом устойчи-

вость в узуальном смысле может обходиться без структурных аспектов устойчивости, ср. *принимать решение, приводить пример* — выражения такого типа (коллокации) структурно ничем не отличаются от свободных словосочетаний, являясь при этом устойчивыми выражениями, которые не могут порождаться по продуктивным правилам и должны фиксироваться в словаре» (Баранов и Добровольский 1996: 56). Авторы подвергают критике известные в науке попытки формального определения устойчивости как прогнозируемости появления одного компонента словосочетания относительно другого, поскольку эта концепция противоречит естественному пониманию устойчивости в языке, «...так как для любого носителя языка выражения типа *на седьмом небе* и *соль земли* несомненно являются устойчивыми, хотя их компоненты и не предсказывают друг друга» (Баранов и Добровольский 1996: 56).

Авторы приходят к заключению, что выяснить истинные причины формирования устойчивых оборотов в рамках лингвистики невозможно: «Дело в том, что причины устойчивости изучены настолько плохо, что мы не можем с определенностью сказать, что привело к узуализации любого из этих выражений. Тем самым мы не можем строго фиксировать силу устойчивости, поскольку нам не ясен сам набор причин узуализации» (там же: 58).

Многие причины узуализации остаются абсолютно непонятными (напр., неологизмы типа *крыша поехала*), и несмотря на наличие некоторых особенностей, которые способствуют узуализации (т.н. усложненность формы выражений), устойчивость и идиоматичность прямо не связаны друг с другом. «Доказательство тому — существование словосочетаний устойчивых, но неидиоматичных и неустойчивых, но идиоматичных. Так, класс коллокаций (словосочетаний типа *ставить вопрос, принимать меры/решения, радость охватила, производить впечатление* и др.) безусловно характеризуется устойчивостью, но говорить об их идиоматичности можно только весьма условно и то только относительно фразеологически связанного компонента» (там же: 59).

3. Коллокации и устойчивость

Ф. Чермак (Šermák 2001a) видит путь к решению проблематики фразеологических коллокаций (нерегулярность/аномальность семантическая и/или формальная, невозможность описать в рамках регулярных грамматик) в определении прототипичности, а спорные случаи должны пройти проверку на основе данных компьютерного корпуса.

Коллокациям внимание уделяется как периферийному подтипу verbo-номинальных (глагольно-именных) квазифразем (по «классической» терминологии В. В. Виноградова — фразеологических сочетаний. — О. Ф.), представляющих собой весьма обширную область с высокой частотой употребления. Данному типу коллокаций

(V–*Sabstr*) была ранее посвящена отдельная работа автора (Šermák 1974). Обычные узуалированные коллокации (*мыть руки, стирать белье, сесть в поезд*) имеют переменчивый характер в восприятии разных носителей языка, но в принципе представляют собой промежуточный тип между терминологическими коллокациями (*бюро путешествий, серная кислота*) и обычными коллокациями (*летний отпуск, памятники старины, местное вино*). Степень принадлежности таких коллокаций к тому или иному полюсу установить очень сложно, а потому и трудно ответить на вопрос, принадлежат ли они к системе (в этом случае их надо рассматривать как устойчивые) или же к тексту (тогда неустойчивые). Поскольку разные носители языка выполняют не те же самые виды деятельности, их восприятие названий этих видов деятельности будет отличаться. Не ясен ни объем таких единиц, ни методология их изучения, поскольку не ясна сама степень их устойчивости (являются ли коллокации *выращивать овощи* и *забронировать плацкарту* устойчивыми или нет? — ставит вопрос Ф. Чермак). Практические причины (например, обучение иностранному языку) делают эту область предметом фиксации в многочисленных словарях коллокаций. Все остальные случаи, не обладающие устойчивостью, принадлежат к области индивидуальных метафорических коллокаций (*дремучий воздух, язык булыжника* — О. Мандельштам — чешские примеры заменены нами на русские эквиваленты. — О. Ф.). Автором проводится также связь данного типа коллокаций с фразеологическими именами собственными, которые им относятся на периферию фразеологии как один из подтипов квазифразем, а кроме того указывается на связь с областью терминов, где примеры типа *черная дыра* или *птичье молоко* принадлежат также к астрономии и кулинарии.

В качестве открытых вопросов Ф. Чермак выделяет следующие:

- изучение мало исследованного явления устойчивости
- поиск критериев для различения явлений на шкале «типичное — обычное — редкое — потенциальное», с особым вниманием к комбинаторной потенциальности
- изучение характера семантических правил и их функционирования
- поиск объективных критериев для идентифицирования типов лексических комбинаций
- необходимость изучать языковые стереотипы, роль которых в обычной вербальной коммуникации намного значительнее, чем это часто допускается лингвистами.

4. Постановка задач исследования

Основной водораздел в подходе к проблематике коллокаций нам видится в признании/непризнании за ними статуса фразеологических единиц. Как неоднократно указывал в своих работах Ф. Чермак, это

водораздел между древними принципами аналогии и аномалии. Являются ли коллокации регулярными комбинациями слов (и тогда в нашем понимании — не-фраземами), или же это аномальные образования, продукт «каприза узуса», иначе говоря — фразеологические единицы «с известной степенью идиоматичности» (см. выше: Баранов и Добровольский 1996). Ответ на данные вопросы не видится ни простым, ни скорым. Именно поэтому В. Н. Телия особо отметила «разброд и шатания» в выделении объема данных единиц (*фразеологических сочетаний* по В. В. Виноградову) и определении их функционально-семантического статуса в истории русской фразеологии (Телия 1996: 65). Новые перспективы в изучении коллокаций открывает возможность работы с большими компьютерными корпусами текстов. Среди главных направлений таких исследований Ф. Чермак отмечал:

Automatic, both statistical and rule-based, discovery procedures: these should help to distinguish regular combinations or collocations (including multi-word terms) from idioms, i.e. irregular combinations, primarily, which means that the problem of the stability (fixity) of linguistic entities must be solved first (Čermák 2001b: 17).

В задачу нашего исследования входило описание определенного корпуса коллокаций традиционными (не-автоматизированными) лингвистическими методами, но с использованием возможностей (в том числе — статистических) компьютерной базы данных. В нашей диссертации мы пытались показать коллокации — эти важные средства языковой номинации — в их функционировании, отмечая по возможности все релевантные характеристики (семантические параметры, грамматическую дефектность, синтагматические особенности и т.д.) коллокаций в условиях реального текста. В работе описываются глагольные сочетания всего 13 чешских лексем трех типов эмоций (гнев — радость — удивление). Пример такого описания сочетаемости только одного существительного — *radost* (радость) — представлен в сильно сжатом виде в следующем разделе доклада.

Б. Описание комбинаторики названия положительной эмоции — *radost*

1. Общие замечания: семантика, сочетаемость, проблемы

В списке основных семи эмоций по П. Экману (см. СЯРЖ 2001: 230) на первом месте стоит эмоция *радость/счастье*. С целью ознакомления с семантикой лексемы *radost* из группы ее потенциальных синонимов — названий для эмоции *радость*, выделяемых на основе данных толкового словаря чешского языка (SSČ 1978) выберем для сравнения существительные: *radost*, *potěšení*, *blaženost*. Для начала приведем их словарные толкования по (SSČ 1978) и русские эквиваленты по (ЧРС 1976):

Radost — *stav, pocit duševní pohody, spokojenosti, potěšení 1, veselí* ap. (op. *smutek 1*) — радость, удовольствия

Potěšení — 1. *radost, požitek, obveselení* 2. *osoba n. věc působící radost* — удовольствие, радость, утешение

Blaženost — *blaho (blaho — vrcholní stav uspokojení, blaženost, rozkoš)* — блаженство.

Приведем некоторые сведения по этимологии и фразеологии этих слов в русском и чешском языках: общеславянская *радость*, этимология которого спорна (см. Erhart–Večerka 1981: 248, Machek 1997: 504), но очевидно связана со значением *веселья*, безусловно, является одним из ключевых слов славянских культур. Это слово в современном русском языке имеет по крайней мере два стандартных значения: 1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения (*испытывать радость*) и 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство (*радости жизни*) (Ожегов 1975: 589). Семантика слова *радость* связана с понятиями *удовлетворения* и *удовольствия* (*удовольствие* — 1. Чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей 2. Забава, развлечение — см. Ожегов 1975:759). Одновременно с этим любой носитель русского языка интуитивно ощущает, что *радость* — это не всегда только «безоблачное» чувство (ср. *омрачить радость*), но также и нечто, в чем нередко ощущается и «ложка дегтя». Речь здесь не только и не столько о том, что фраземы *плакать от радости* и *слезы радости* (известные также и чешскому языку) указывают на сложное психическое состояние человека, где, очевидно, радость испытывается после прекращения действия причин ощущения горя, стресса и т.п. Корни самой возможности отрицательного восприятия и толкования *радости* — гораздо глубже — очевидно, в основах христианского мироощущения и сознания, где «радоваться — грех», если *радость* воспринимать именно как (*земные*) *радости* (*земной*) *жизни*. Радость духовная («доселе не видя, но веруя в Него, радуется **радостью** неизреченною и преславною, Достигая наконец верою вашею спасения души» — ср. 1 Петр 1, 8–9) и радости земные (*Радости быстро забываются, а печали никогда; Радость без печали не бывает* — Аникин 1988: 270) противопоставлены в религиозном и в языковом сознании. И в чешской паремиологии можно найти, естественно, немало примеров на тему «отказа от радостей», с религиозно и житейски мотивированными «правилами» праведной жизни: *Boj se Boha, styď se lidí, nehřeš více, Pán Bůh vidí* — (Čelakovský 2000: 134), *Růže při trní se rodí, radost po žalosti chodí* — (Dittnerová, Schindler 1997: 67). Очевидно, такое совмещение в одной лексеме двух противоположных понятий могло послужить основой и для отмечаемой М. И. Михельсоном фразеологической переинтерпретации *радость* — *горе*: «У нашего старосты три *радости*: корова пала, изба сгорела да жена померла», «При старости две *радости*: и с горбом и с бельмом» (Михельсон 1994, 2: 165), хотя последняя поговорка может быть связана звучанием, рифмой и с общеизвестной идиомой *старость* — *не радость*. В материале ЧНК также без труда можно обнаружить противопоставление «высших, вечных радостей» и «земных, простых», как видно на примерах ниже:

Když jsme spojeni s Kristem v utrpení, máme naději, že s ním budeme spojeni i ve věčné (radosti).

Ruský taneční pedagog Vjačeslav Ivanov, který po angažmá v pražské Laterně Magice působí v Pardubicích jako korepetitor a asistent choreografie a režie, se ve čtyřech částech zaměřil na (radosti) lidského života.

По данным русского ассоциативного словаря **радость** вызывается прежде всего *успехом* и *победой* (21— самая высокая частотность, и 17), и ассоциируется с *удовольствием* (20), *гостем*, *детьми*, *праздником*, *свиданием*, а противопоставляется *гневу*. Заметим, что при слове **счастье** в обратном словаре *успех* (2. значение этого слова) имеет частотность 9, а при **радость** — 20. В плане сочетаемости с глаголами на первом месте по данным РАС — *чувствовать* (16), далее *нести/принести* (8–7) (РАС 1994, 2: 257).

Заслуживало бы отдельного внимания изучение семантических и деривационно-семантических связей между лексемами *радость* и *счастье*, с одной стороны, и *удовольствие* и *удовлетворение*, присутствующими в толковании первых, с другой. Вместо анализа вспомним известный «советизм» времен застоя *с чувством глубокого и полного удовлетворения (весь советский народ встретил решения Съезда...)*. Исходя из толкования лексем, советский народ в такой момент должен был испытывать *счастье*: чувство и состояние **полного**, высшего *удовлетворения* (Ожегов 1975: 720), но не *радость*: веселое чувство *большого* душевного *удовлетворения* (там же: 589). Глагольную сочетаемость русской лексемы *радость* нам хотелось бы сравнить с сочетаемостью ее «синонимов» — *удовольствием* и *удовлетворением*, поэтому составим сводку для глагольных коллокаций всех трех слов одновременно по данным (Дерибас 1979):

	радость	удовлетворение	удовольствие
выражать	+	+	+
возбуждать	+	–	–
вызывать	+	+	–
давать	–	+	–
доставлять	+	+	+
иметь	–	–	+
испытывать	+	+	+
лишать (себя)	–	–	+ (РОД)
находить	–	+	+
омрачать	+	–	–
отказывать (себе) в	–	–	+ (ПРЕД)
ощущать	+	–	–
получать	+	+	+
пользоваться	–	–	+ (МН, ТВОР)
портить	–	–	+
предаваться	–	–	+ (МН, ДАТ)
предвкушать	–	–	+
приносить	+	+	+
проявлять	+	–	–
разделять	+	–	–
растягивать	–	–	+
требовать	–	–	+ (РОД)

Из перечисленных 22 глаголов только выделенные жирным шрифтом пять глаголов сочетаются со всеми тремя существительными в зна-

чениях инхоатива (*получать*), дуратива (*испытывать*), глаголы *приносить* и *доставлять* выражают каузативное значение и *выражать* — демонстративное. Наиболее метафоричные глаголы сочетаются с *удовольствием* (*портить, предвкушать, растягивать*), и с *радостью* (*омрачать*), не приводится, однако, сочетание с родовым глаголом *чувствовать* для существительных *радость* и *удовлетворение*, которое почему-то не считается в (Дерибас 1979) коллокацией. Наглядно отсутствие коллокаций со значением симптоматического проявления эмоций. Если считать словарные эквиваленты к чешским синонимам *утешение* и *блаженство* членами синонимического ряда в русском языке и попытаться рассмотреть их сочетаемость, то перед нами откроется совершенно другая картина, чем в случае с вышеприведенными тремя существительными: в (Дерибас 1979) ко слову *утешение* (значение по Ожегов 1975: успокоение чем-то радостным) приводятся всего две коллокации с глаголами *искать* и *находить*, а со словом *блаженство* (там же: полное, невозмутимое счастье) глагольных коллокаций не отмечено, хотя фраза *быть на вершине блаженства* общеизвестна и приводится как единственная иллюстрация и толковым словарем (Ожегов 1975: 50).

В целом краткий «эскиз» значений (словарное толкование которых показывает типичность «дефиниции кругом» для имен абстрактного типа) и сочетаемости русских лексем того же синонимического ряда убеждает нас по крайней мере в том, что сочетаемостные потенции даже близких по значению существительных сильно разнятся и находятся в зависимости не только от семантических факторов.

2. «Общая картина» глагольной сочетаемости существительного *radost*

Частотность употребления чешского существительного *radost* в базе данных Чешского национального корпуса (ЧНК) превышает 11 тысяч. Количество контекстов сочетаемости данного существительного с различными глаголами колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен и даже тысяч. Отправной точкой описания этих сочетаний могут послужить списки, составленные по данным Словаря чешской фразеологии и идиоматики под гл. ред. Ф. Чермака (SČFI 2, 1988; 3, 1994, далее «в СЧФИ»), где приводятся следующие глагольные фраземы:

Ф1 být jediná radost / jedinou radostí někoho	Ф9 mít radost ze života
Ф2 být radostí (celý) bez sebe	Ф10 mít po radosti
Ф3 dělat někomu radost	Ф11 mít zkaženou radost
Ф4 dělat/udělat něco/někomu pro radost	Ф12 přijmout někoho/něco s nelíbenou radostí
Ф5 dělat/udělat něco s radostí	Ф13 skákat/vyskakovat radostí (až do stropu)
Ф6 dockat se radosti na něko	Ф14 šílet radostí
Ф7 doprát/dopřávat někomu (tu) radost	Ф15 zářit radostí (že/nad něčím)
Ф8 jít (někomu) jedna radost	Ф16 zříct se radostí a slastí života

Каждая фразема обозначена нами символом (Ф1 и т. д.), что позволит отличить эти *глагольные фраземы* от приводимых тем же словарем (в рамках отдельной статьи для абстрактных существительных) *коллокаций* (в терминологии Ф. Чермака — *квазифразем*) под ключевым словом (*Sabstr*) в следующем списке (символы К1 и т. д.):

(К1) dostat, (К2) projevit, (К3) mít, (К4) ztratit, (К5) udělat někomu, (К6) dělat, (К7) působit, (К8) přinášet, (К9) zkazit – radost, (К10 – Subj:) zaplavit někoho.

Приведем также и список *именных фразем* из второго тома словаря СЧФИ (И1 и т. д.):

(И1) radosti a slasti (života), (И2) radosti i/a strasti (života), (И3) detinská radost, (И4) V/S jedna radost, (И5) k me (tvé...) (velké/nemalé) radosti, (И6) nelíčená radost, (И7) nespoutaná radost, (И8) s radostí (V).

Проиллюстрируем вначале лишь малую часть из того широкого спектра глаголов, которые способны сочетаться с ключевым словом **radost**:

Ještě si **poskočil** (radostí), jak geniální myšlenka ho napadla.
 Tři důchodkyně **vyskočí** (radostí) do vzduchu. S blaženým úsměvem třeští zrak
 Co to bylo, co z něj vysávalo životní mízu? Co **podkopávalo** (radost) ze života, bralo věcem
 smysl?

Komupak z nich bychom neměli **činit** (radost) za svůj nevděk, netečnost nebo i zlou vůli!
 Nebál se chudoby, ze které **klíčí** (radost), bál se však věci, které se zdají ztracené, beznadějně
 a kromě toho jako by z ní přímo **vyzařovala** (radost), že je ženská a že je spokojena s mužem
 Aglaja se náhle **rozzářila** (radostí). Všechny tyto proměny se v ní děly neobvyčejně **zjevně**
 Ale z jeho očí zase **září** (radostí) *taková křesťanská* (radost).
 Zavřel sešit, strčil ho zpátky do Timesů a v duchu **výskl** (radostí)

В данной группе примеров мы обнаружим варианты фраземы *skákat radostí* (прыгать от радости — подпрыгнуть от радости), метафору с «подкопом» (в значении — ‘портить’) рядом с другой, именной фраземой *radost ze života*, ряд менее типичных или «нетипичных» глаголов при данном существительном ((**činit** (radost) — при гораздо более привычном каузативе *dělat*), **klíčí** (radost) в значении инхоатива «*progladyvaet / prorastaet* — начинает иметь место», метафоры **vyzařovala** (radost), **rozzářila** (radostí). В комбинации **září** (radostí) *taková křesťanská* (radost) мы встречаем не отмечаемый словарем случай Ф15, а структуру Subj-VF, при этом стоит отметить «источник сияния» — глаза, и религиозный контекст, достаточно частый у слова (radost). В последнем примере глагол «звукового проявления» **výskl** (radostí) (нечто типа *vizжатъ от радости*), употреблен весьма своеобразно — «безмолвно» — v duchu.

Spartánská (radost) však **trvala** pouhou minutu: Požár tečoval Pedersenovu střelu a Kouba už na míč nedosáhl – 1 : 2.

Tehdy mi překazil velmi nadějnou příležitost, při níž jsem **se již opájel** (radostí) z úspěchu.
 (Radostí) **se rozplynem**
 Hlavní sudí Pairetto ukázal na půlící čáru, Němci **propukli** (radostí).
 Politických starostí má teď nad hlavu a jedna (radost) navíc mu jistě **prospěje**.

В группе примеров выше в первом из них глагол выражает рядом с дуративным обычное темпоральное значение, но уже в следующих трех — это метафоры, описывающие различные «способы переживания» эмоции. Последний пример указывает на субъектное использование слова ⟨*radost*⟩ в пропозиции, где прономинальный объект занимает позицию актанта-бенефицианта.

Следующие примеры можно разделить на отдельные прототипические ситуации, в которых может иметь место данная эмоция: каузативные значения выражены в примерах, где мы обнаружим К7:

působili *radost* svým nejbližším, jako já ⟨**působím** *radost*⟩ těm svým

а также интересный пример, где кажущаяся К8 коллокация использована как бы «наоборот»:

Ta služba jim ⟨**přináší** *radost*⟩, pokoj a věčný život.

Словарем СЧФИ, однако, не отмечаются следующие примеры каузативности:

Sestry – i přes náročnost svědectví – stále ⟨**šíří** *radost*⟩ a slouží

A ⟨**rozdávat** *radost*⟩ může člověk v každém věku.

Měla jsem po přečtení článku hezký pocit – v době plné skepse jsem si uvědomila, že tu jsou stále ještě lidé, kteří dovedou **rozdávat** ⟨*radost*⟩ a úsměv.

Дуративные значения представлены разными глаголами:

Navíc děti ⟨**zažily** *radost*⟩ z dílek, která vytvářely pro sebe

I procitnu, jak pronikavě ⟨**zažiju** *radost*⟩ (stěbla právě), jež samo ani neví

stroje papíry s kopíráky, že komu smutno je, **at'** ⟨**pozná** *radost*⟩ taky.

dokud zůstane jediný, který bude ⟨**okoušet** *radosti*⟩ vašeho Tyburnu

Celý večer s týmem lidí, kteří mi pomohli, ⟨**sdílím** *radost*⟩ i starost

Все глаголы в этих примерах потенциально могут претендовать на роль компонентов коллокаций, но не отмечаются СЧФИ. В последнем примере выделенное наклонно сочетание имен напоминает И2, но его нет в СЧФИ.

Встречаются и такие контексты, где видно, что *радость* можно *не скрывать* и *не таить*:

Kroměřížané ⟨**neskrývají** *radost*⟩, představitelé institucí města a okresu jsou však

Loutky bydlí v Mydlářově domě, ⟨**ukrývají** *radost*⟩ pro vás i pro mne

cítíte, máte *radost*? Samozřejmě **nezakrývám** určitou ⟨*radost*⟩, že mezinárodní arbitráž dala za pravdu naší straně

Jsem spokojený,“ ⟨**netají** *radost*⟩ Kadlec.

Последний пример был отестирован на «коллокационность». Выяснилось, что случай такой комбинаторики не уникален, а достаточно устойчив. При этом обращает на себя внимание регулярность отрицательной формы глагола, который, однако, может использоваться как в ВОЗВ (большинство случаев), так и в НЕВОЗВ форме уже не с падежной формой ТВОР, а с управлением в ВИН:

takoví, kteří **se netajili** ⟨*radostí*⟩ z toho

netajil se svou *škodolibou* ⟨*radostí*⟩.

a **netají se hlubokou** ⟨radostí⟩ z angažmá ve Filharmonii neinformoval,“ **netajil včera** ⟨radost⟩ starosta Petr Štusák

Примеры выше свидетельствуют и о возможности введения атрибута к именному компоненту, а примеры ниже показывают два типа правых актантов-источников радости:

se nikdy příliš **netajily** ⟨radostí⟩ **nad** tím, že
Zdeněk Zapletal **se netajil** ⟨radostí⟩ **nad** úspěchem Laski
netajil se ⟨radostí⟩ z *nečekané* pocty.
Nikdo z nich **netají** ⟨radost⟩ *ze chvíle*, kdy se konečně

В базе данных ЧНК были обнаружены и примеры с однокоренным глаголом, который в сочетании с ключевым словом выражает тот же смысл. Отметим, что во всех трех примерах коллокация комбинируется с модальным глаголом, может употребляться с актантом в РОД и в предложном ТВОР, а также с «локализацией» проявления радости (*в голосе*):

nakonec už *nedovedl* **utajit tu** ⟨radost⟩ *ze sebe sama* a z překvapení
Kurka a *nedovedl* **utajit tu** ⟨radost⟩ *v hlase*. A odcházel do svého
podřekne, neboť *nemůže* **utajit** ⟨radost⟩ **nad** tím, že se konečně zbaví

Рассмотренные примеры можно, естественно, отнести к широкому классу значений дуративности (если кто-то *не скрывает* свою *радость* или *не может скрыть радость*, то радость имеет место), но это было бы насильным сужением значения данных коллокаций, если, конечно, признать за ними такой статус. К специфическим проявлениям эмоции принадлежат сочетания со значением «плакать от радости / лить слезы», которые, однако, трудно отнести к категории симптомов:

a líbal, zatím co nás kočár unášel pryč. **Slzela** ⟨jsem radostí⟩.
nevíte d) jen tehdy, když ⟨pláčeme radostí⟩

Všechny ty stíny minulosti, jež prokrvila věrná paměť našeho lidu, i to mlčení při pochodnách, **slzy** ⟨radostí⟩ **i žalosti**, které jsme kdy prolili, to všechno zůstává navždy součástí naší národní skutečnosti a bude nápomocno ve chvíli, kdy nám půjde o život.

Верхний пример вместе со следующим снова напоминает по типу именную коллокацию И2, но в словаре его тоже нет:

Pustili nás k němu, Jarmila nemusela dělat skandál, pustili nás bez obav, nic už mu nemohlo **ublížit**, žádná ⟨radost⟩ **ani žalost**, nemuseli mu zjednávat klid, měl ho, měl pokoj na věky.

Совершенно другой характер имеет сочетание ниже — оно вряд ли «навечно» сходством с формами И1 или И2, но роль рифмы в нем явно присутствует:

Bylo v tom tolik ⟨radosti⟩ a **snadnosti**, že ji to až zahanbovalo

Похожая параллельность наблюдается и в случае:

Jeho rodiče pak už zřejmě nebudou náležet k těm, jimž školní poznámky typu „předvádí se“ či „je drzý“ dělají **spíš** ⟨radost⟩ **než starost**.

Метонимический перенос внешнего проявления эмоции на саму эмоцию дает возможность говорящему ее «видеть»:

a hovořil: „**Mám radost, když** ⟨**vidím radost**⟩. Nejkrásnější hudba je lidský smích.

В качестве существующего, но не приводимого СЧФИ и, очевидно, не слишком популярного журналистского шаблона выглядит *выражение радости* в политическом контексте:

Slovenská národní strana ⟨**vyjádřila radost**⟩ nad tím, že v případě

Радоваться мелочам — это умение, положительное (и счастливое) свойство характера:

Naštěstí nemám velké nároky, **umím** ⟨**mít radost**⟩ z maličkostí a strašně ráda se směju.

Как видно из данного, очень фрагментарного обзора «широкой», главным образом глагольной сочетаемости существительного **radost**, потенциальных глаголов-партнеров у данного слова в чешском языке множество. Поскольку объектом нашего интереса являются в первую очередь коллокации, можно было бы за исходную точку выбрать список K1-10 из СЧФИ и анализировать только эти коллокации на основе ЧНК. Но тогда мы отказались бы от главного преимущества работы с ЧНК — возможности «не верить на слово» никаким, даже самым авторитетным источникам, и только на основе материала корпуса попытаться начертать коллокационную парадигму заданного слова. С другой стороны, при сравнении списков Ф1-16 и K1-10 бросается в глаза наличие и в том, и в другом глаголов с самой высокой сочетаемостью при слове ⟨*radost*⟩: *mít, dělat, udělat*. Это вызывает необходимость постановки вопросов: какова степень устойчивости, степень идиоматичности, в чем характер переинтерпретации, семантическая мотивированность, т. е. то, без чего трудно ответить на конкретный вопрос — когда устойчивое словосочетание определенного глагола с определенным существительным, напр., *dělat radost* — идиома (Ф3), а когда — «только» коллокация (квазифразема) К6? Что это, к примеру, в следующем контексте:

To *mi* ale **dělá** takovou do jisté míry *bizarní* ⟨**radost**⟩.

Также не совсем понятно, почему устойчивое сочетание *Borek* ⟨*radostí*⟩ *žítel* считается СЧФИ фраземой-идиомой (Ф14), а ничем не уступающее в метафоричности сочетание *Hlavní sudí Pairetto ukázal na půlící čáru, Němci propukli* ⟨*radostí*⟩ вообще не приводится ни в списке Ф, ни в списке К.

Обращает на себя внимание и следующий аспект: частотность K3 *mít* ⟨*radost*⟩ (вместе с Ф9-11) в ЧНК — 2619, а у стоящей рядом с ней в (Ве́чка 1977) и похожей на K2 коллокации *jevit radost* — всего 4, несмотря на то, что общая частотность этого глагола (в возвратной и невозвратной формах) достаточно высока в ЧНК—4731:

Ale tvář její **jevila** ⟨*radost*⟩.

При виде таких статистических крайностей становится понятно, что судить о коллокациях только по «до-корпусным» источникам нецелесообразно, поэтому с использованием возможностей поисковых

программ (ПП) ЧНК мы пытались рассмотреть как можно больше контекстов употребления verbo-номинальных сочетаний со словом **radost**, чтобы выявить некую новую информацию о предмете.

3. Фраземы или коллокации: сочетания слова *radost* с глаголами *dát, dávat, rozdávat*

Ни в списке Ф, ни в списке К в СЧФИ, ни в (Veřka 1977) наличие таких фразем или коллокаций не предполагается, поэтому ставится вопрос, сочетается ли это существительное с глаголами *dát, dávat, rozdávat* вообще, и если такие сочетания обнаружатся, какова их природа. При использовании позитивного фильтра ПП ЧНК появились достаточно высокие цифры потенциальной сочетаемости для *dát* — 60, *dávat* — 40, *rozdávat* — 40, которые при ближайшем рассмотрении материала оказались, однако, несоответствующими действительности. Одной из причин достаточно частого появления данного глагола «в окружении» слова ⟨radost⟩ является его сочетаемость с фраземой *dát najevo*. Некоторые примеры, однако, иллюстрируют и возможность коллокации как для ВОЗВ, так и НЕВОЗВ формы глагола:

nečekaný dárek, jenomže za nic na světě by svoji ⟨radost⟩ **nedal najevo**.

Dali jsme si navzájem ⟨radost⟩, protože tak to bývá v lásce.

Zabijáci zatracení, hanebníci mizerní! Car **dal** lidem ⟨radost⟩ a **svobodu**, ale tihle to nesnesou.

Два тематически разных контекста (эротический и религиозный) указывают на сочетаемость с данным глаголом именно коллокации слова ⟨radost⟩ с родовым словом:

kterí pohazením, polibkem by byli schopni **dát pocit** ⟨radosti⟩

zobrazit Krista lidem, musíme jim vždycky **dát pocit** ⟨radosti⟩ z toho, že jsou sami sebou.

Сочетаемость с фраземой *dát najevo* выявляет следующие особенности: это частое введение в коллокацию определения, притяжательного местоимения (выделено наклонным шрифтом), сочетаемость с модальным глаголом (подчеркнуто):

Vrátila se domů a snažila se nedat najevo svou ⟨radost⟩.

Já jsem na něj dočista zapomněl. Měl ⟨radost⟩, kterou **dal najevo** slůvkem dočista.

„Ne, vůbec nechci. Jenže vy máte z dopisu ⟨radost⟩ a nechcete to dát najevo. Proč se stydíte za své

soutěži dosáhl 19.23 m a **dal najevo** svoji oprávněnou ⟨radost⟩.

Следующим типичным сочетанием слова ⟨radost⟩ является снова сочетание с фраземой, но уже в другом — демонстративном — значении целого сочетания:

Bělohlavovi, jehož střela **dala první průchod** domáci ⟨radosti⟩. Nadšení tribun však trvalo jen 96 sekund.

Plachý vzdor v jejím hlase **dal průchod** panické ⟨radosti⟩.

Примечателен ввод определения в данное сочетание, а также и случай

сочетания сразу двух фразем, ведь подчеркнутое в следующем примере сочетание — именная фразема ИБ:

domáci se uchopili kolem ramen a **dali průchod** *neličené* ⟨radosti⟩.

Хотя и обнаружилось, что число коллокаций **dát** ⟨radost⟩ не равно тем 60, как это выглядело в первый момент, все же выявлено наличие достаточно стандартной сочетаемости с данным глаголом в самых разных (технический, литературно-эстетический, обиходно-разговорный) контекстах:

technicky dokonalé kvalitní, ale dokážou jim **dát i** ⟨radost⟩ z jejich řízení
Vnímavému čtenáři ale Nabokov dokáže **dát** estetickou ⟨radost⟩ či **blahost**, i když to zní starobyle
a nemá pocit, že mu **vzal** více, než kolik mu **dal** ⟨radosti⟩ a úspěchů. „Po tom všem, co jsem zažil a dosáhl

Коллокация с НЕСОВ глаголом **dávat** встречается также в самых различных контекстах, с вводом различных определений, актантов и обстоятельств, с вынесением глагола в придаточное предложение, в сочетании с другим существительным и модальным глаголом:

babička, která mě chrání a opatruje a **dává** mi *znovu* ⟨radost⟩.
protože jsme do něj vložili svůj život. A to nám **dává** ⟨radost⟩, i když je smutno z loučení.
obnově sil mi nejvíce **pomáhá** radost. *Nepředstavitelná* ⟨radost⟩, kterou **dává** hudba.
Jedna z nich **dávala** zemědělcům *hodně* ⟨radosti⟩, neboť je ujišťovala, že „Do svatého Kyliána kolik
Sama neberu léky – *energii* a ⟨radost⟩ mi **dávají** kočky a psi, které mám u dcery
mnoha domácnostech nám jeho *dřevěnice* a *zátiší* **dávají** ⟨radost⟩. A nejen to. Zachycují mizející tvář Valašska

Сочетание слова с фраземой **dávat najevo** также относится к одной из самых типичных ситуаций «проявления» радости:

které vrzalo všemožnými zvuky, jakoby **dávalo najevo** ⟨radost⟩, že přijalo do svého lůna vznešenou
dohody s Izraelem **dávaly** *včera hlučně najevo* *svou* ⟨radost⟩ poté, co předseda Organizace pro osvobození Palestiny

Типичны случаи любовно-эротического контекста употребления слова ⟨radost⟩:

Že je to *láska*, poznáš podle toho, že *chceš* **dávat** ⟨radost⟩ a nedbáš na následky.
Upínala se k němu a **dávala** mu *tolik* ⟨radosti⟩, kolik on dával jí. Bylo to *dokonalé spojení*
dvou místo toho **si vzájemně dávali** *smyslovou a sexuální* ⟨radost⟩.

Ряд примеров на сочетаемость того же глагола с синонимом (*potěšení*) и не-синонимами одновременно вызывает вопрос, не снимает ли определенная коллокация при такой «цепной» сочетаемости запрет на сочетаемость определенных слов в нормальном режиме:

neznaly Havajky jakoby vůbec stud. Všechno, co **dávalo** ⟨radost⟩ a *potěšení* jejich partnerům, to považovaly
Překvapení vymýšlíme rádi. O Vánocích **si dáváme** *všichni* ⟨radost⟩ a *potěšení*
Myslím si, že *nelze* **dávat** *něhu, lásku*, ⟨radost⟩, bez toho, aby tato něha, láska nebyla v člo- věku

Dávala 's mi (radost), sílu, postavení Bez podmínek, bez díky a bez umlčení nespočívá v jídle a pití, ale ve spravedlnosti, pokoji a (radosti), jaké **dává** Duch svatý.

Представляется невозможным сочетать данный глагол со словами *postavení, spravedlnost*, но коллокации это ограничение, видимо, снимают.

Достаточно высокой частотностью обладает и коллокация *rozdávat* (radost), для которой можно выделить следующие типичные контексты употребления: возможность контекста религиозного и светского (единственный пример на использование в 1-Л ПРОШ вместе с модальным глаголом):

kyž je Bůh laskavý a dobrý a dá ti talent, **rozdávej** (radost) z něho i jiným," říká emigrantka
Jsem však šťastna, že *jsem mohla* **rozdávat** (radost), tím více, že patříla dětem.

обычность введения актанта в роли бенефицианта — *lidem*, и частое сочетание коллокации с модальным глаголом, из чего вытекает абсолютное преобладание формы ИНФ для глагола **rozdávat**:

Dyž my *chcem* *lidem* *prostě* **rozdávat** (radost), řekl jsem.
někdo přece uprostřed té bídy *musel* *lidem* **rozdávat** (radost) a povzbudit je
Budete *moci* **rozdávat** (radost) *lidem* kolem sebe podle chuti.

Общий комментарий к использованию глаголов *dát, dávat, rozdávat*: нами не зафиксировано ни одного примера использования глагола СОВ формы — *rozdat*, т. е. коллокация для НЕСОВ значения «раздавать радость», как мы видели выше, не только вполне приемлема, но и достаточно широко используется в чешском языке, несмотря на незафиксированность в словарях, но сам смысл «раздать радость», видимо, неприемлем. Речь здесь идет не об узуальной дефектности парадигмы, сколько о семантически объяснимом ограничении на сочетаемость с глаголом в СОВ: видимо, «давать/раздавать» *radost* — *можно, нужно, хотелось бы* и т. п., но вот «раздать» ее и тем самым как бы исчерпать — нельзя. Если эта интерпретация верна, то она подтверждает возможность семантической мотивированности для определенных коллокаций.

4. Существительное *radost* в составе фразем

Остановимся вначале на фраземе Ф13 *skákat / vyskakovat radostí (až do stropu)*, несловарные варианты которой уже были отмечены нами выше. При поиске этих фразем в ЧНК мы встретились, во-первых, с проблемой идентификации их в тексте: чисто «автоматическому» выбору позитивного фильтра ПП нельзя было довериться из-за следующих случаев:

Carson **kvičel** (radostí) a **skákal** po trávníku *kličkuje* jako zajíc.

Однако уже следующий пример ставит нас перед нелегкой задачей. Пример касается человека, который ведет себя «словно рехнувшийся (одержимый) от радости», что проявляется в **бегании и прыгании по комнате**:

vyskočil, zatleskal rukama a *(radostí) jako posedlý běhal a skákal po pokoji*.

В данном случае речь идет скорее всего о совмещении двух фразем — сравнительного оборота *být (něčím) jako posedlý* (SČFI 1:279) и фраземы Ф13, с введением дополнительного глагола «по схожести» симптоматического проявления — *бегать*, и введением обстоятельства места. Наличие этого обстоятельства — свидетельство против фразеологичности данного контекста, смешение с другой — типично метафорически мотивированной — фраземой — довод за фразеологическое толкование. При этом интересно, что и в словарной статье Ф13 указано на возможность введения «обстоятельства», правда не места, а «образа действия», что на самом деле — типичный интенсификатор: *až do stropu*. Рассмотрим несколько примеров с такими «обстоятельствами»:

hlavou o zed', *křičet zoufalstvím* anebo **skákat (radostí) po pokoji**.

Здесь первые два «симптома» некой сложной эмоции или состояния могут трактоваться и конкретно (стучаться головой об стенку, кричать от отчаяния), и «в переносном смысле», а Ф13 с локализацией на *komnatu* снова вызывает сомнения. Похоже обстоит дело и в случае другого обстоятельства — прыгать *вокруг*:

On i jeho přátelé **skákali** (radostí) *dokola a objímali se navzájem a ječeli a jákali*.

Поскольку здесь проявление эмоции многоплановое, оно «продублировано» и другими симптомами (выделено наклонно), речь в примере скорее идет о Ф13. «Словарное» же обстоятельство-интенсификатор был встречен всего один раз, и то в эллиптической форме фраземы:

Dokážu mít (radost). **Neskáču** při tom *do stropu*, je to jen takový pocit „Našli jsme to!“ jásal Hobie a **skákal** (radostí) *metr vysoko*.

Для контраста же мы привели рядом и пример с весьма странным «интенсификатором» — не ясно, что этот «метр в высоту» — много или мало, а следовательно, и сама фразеологичность использования данного сочетания в этом примере здесь снова под вопросом. Очевидно, такая параллельность между дословным и переносным прочтением коллокации ощущается и самими носителями языка, судя по двум примерам, где эксплицитно выражается «переносность» значения (*v duchu*) и «голая дословность» (*doslova*):

trpím z doktorů bláznů, a třebaže **jsem** *v duchu skákal* (radostí), pokrčil jsem skepticky rameny a zastrčil pilulky
jestliže třeba vybojujete roh, tak *doslova skáčí* (radostí). Celá jedna tribuna byla navíc plná fanoušků z Liverpoolu

В этом примере последствия «прыжков» налицо — человек *поскользнулся и свалился* в результате большой интенсивности действия, выраженного Ф13, но от этого нельзя отказать всему контексту в идиоматичности. Пример ниже не дает возможности чисто языкового декодирования, так как никаких подробностей протекания Ф13 не сообщено.

щается, но есть все основания предполагать, что автор текста употребил Ф13 именно как идиому.

Betynce, že půjde na procházku. Betynka **skákala** ⟨radostí⟩, ale když jí babička řekla, že půjde jen s dědečkem

В политическом контексте с отрицанием действия Ф13 мы — наконец-то — имеем пример однозначно идиоматического использования фраземы, но и здесь «для верности» автор заключает ее в кавычки:

„**neskáče** ⟨radostí⟩” ani z právní expertizy k opoziční smlouvě, kterou

Введение элементов нарративности в контекст делает идиому идиомой:

Chtělo se jí **skákat** ⟨radostí⟩ a roztroubit to do celého světa.
téměř stejně šťastný jako sami rodiče. **Skákala jsem** ⟨radostí⟩, když jsem se to dověděla.

Используется Ф13 и в ситуации с обратным значением, как подтверждение того, что субъект не испытывает от чего-то *radost*:

Soudruh Mefistofeles **by nad** touhle duší ⟨radostí⟩ zrovna **neskáká**
Skákat ⟨radostí⟩ **nad** novoroční meditací Václava Havla zřejmě **nebude**
ale mrzel je inkasovaný gól. **Neskákali** ⟨radostí⟩, přesto udělali výrazný počín k postupu do třetího

Обзор использования идиом (и не идиом) Ф13 — **skákat** ⟨radostí⟩ — в ЧНК убеждает нас в том, что даже наиболее устойчивая, основанная на метафоре, т.е. переинтерпретированная, «отстоявшаяся» и зафиксированная во фразеологическом словаре идиом не должна иметь абсолютно канонизированных правил употребления. В статье (Баранов и Добровольский 1995: 112) авторы пишут о целесообразности введения в словарную статью фразеологического тезауруса «зоны нестандартного употребления»: «В отличие от обычной лексики, функционирование идиоматики часто сопровождается отклонением от стандарта. По имеющейся в нашем распоряжении базе данных по современной идиоматике можно судить о распространенности этого явления. При том, что литературные источники расписывались методом сплошной выборки и не ставилась задача специальной фиксации нестандартных употреблений, они составляют в базе около 15 процентов всех примеров». Этот факт имеет самое прямое отношение и к коллокациям: если и наиболее стабильное ядро идиоматики допускает отклонения от стандарта в такой большой степени, то для «периферии» — коллокаций — это справедливо вдвойне.

К симптоматическим/метафорически выраженным проявлениям эмоции относится и фраза Ф15 **zářit** ⟨radostí⟩. При анализе ее употребления по данным ЧНК выясняется, что субъектом при фраземеподлежащем часто является не человек сам, а только его лицо или глаза:

Matvějova **tvář** zářila ⟨radostí⟩, zpíval a při tom natahoval krk, jako by chtěl vzlétnout

Oči mu zářily a **tvář** měl zružovělou ⟨radostí⟩.

Přitom její **tvář zářila** ⟨radostí⟩ a dobrou pohodu, s jakou se pohybovala po schodišti

Возможна и конструкция с компонентом ⟨radost⟩ в роли субъекта (S–V), где орган проявления эмоции — глаза — вводится как «обстоятельство места»:

V **očích** jí zářila... *klidná* ⟨radost⟩. Vypadala, že je potěšená, že mě vidí

Следующие примеры интересны различными комбинациями выразительных средств: это ввод синонима к именному компоненту, комбинация Ф15 и Ф9, включение фраземы в состав многочленного предиката:

nebylo vidět smutku a bolesti ani za mák ; **zato** zářily ⟨radostí⟩, *těšením se*

Člověk, ze kterého zářilo *nadšení a* ⟨radost⟩ *ze života*. Nic podobného jsem nezažila.

„Co říkáte Chamberlainovi,“ *pravil a zářil* ⟨radostí⟩

diváci se na sebe podívali, rozesmáli se a zářili ⟨radostí⟩, že s nimi někdo umí mluvit.

Неожиданно и появление примеров с такими Ф15, где вместо спрягаемой формы глагола фигурирует форма деепричастия, уже достаточно редкая и стилистически маркированная в современном чешском языке; во втором примере мы выделили и типичное для Ф15 предложное управление:

vyslechly od lékařů ortel smrti, ke mně přišly **záříce** ⟨radostí⟩ a vyprávěly, že

Tak zůstala na něm několik okamžiků, **záříc** ⟨radostí⟩ *nad* touto novou pozicí

„Jen ne do hlavy!“ křičela Porcia, ⟨radostí⟩ **záříc**. „Ať ho brzo neomráčíme!

В целом разбор группы контекстов на употребление фраземы Ф15 показывает, что и эта фразема допускает значительные текстовые модификации формы и синтаксических конструкций (ввод определения, замена глагола на деепричастие, замена роли объектного компонента на субъектный и т. д.), что свидетельствует как бы против отнесения Ф15 при всей ее «классической метафоричности» к идиомам ядра фразеологии, а скорее диктует необходимость рассматривать ее как фразему несколько другого — скажем — «коллокационного» типа, и «ответственность» за такой характер фраземы лежит на имени эмоции, т.е. на существительном абстрактного значения.

Фразема Ф6 по данным СЧФИ имеет некую обязательную форму *dočkat se radosti na někom* и достаточно узкое первое значение: *zvl. rodiče vůči dítěti za svou peči*. Такое «совпадение» именно данной формы с таким узко специфическим значением в ЧНК обнаружено только в двух примерах (из 11):

přáli, **aby se na synech dočkal** ⟨radosti⟩. Avšak v téhle lavici, v níž

na něm dočkal jsem se k stáří ⟨radosti⟩. Stal se z něho fešák chlap

Это в свою очередь может означать, что все остальные примеры сочетаемости глагольного и именного компонента, но в другой форме (без обязательного актанта с предлогом и ПР падежом) и в другом значении — не фраземы:

zda **by ses vůbec ještě nějaké** ⟨radosti⟩ **dočkala**. Zbytečně bych tě napínal

jistotou, že **se dočkají obrovské** ⟨radosti⟩, na kterou marně čekaly celé

„votroky“ Štefana Nadzama a ⟨radosti⟩ **se diváci nedočkali** ani v průběhu

Частые контексты употребления данной не-фраземы — спортивный комментарий:

včera **dočkala** tři *medailových* ⟨радости⟩. V běhu na 800 metrů přízeň zachová a že **se postupových** ⟨радosti⟩ **dočkáme**,” uzavřel Dr. Svatopluk druhé knockoutem. *Další velké* ⟨радosti⟩ **se dočkali** příznivci při zápase

Первой отличительной особенностью использования словарной фраземы Ф7 (около 25 случаев, только два из них в НЕСОВ) является ПОВЕЛ наклонение глагола как 2-Л, так и обычно более редкого 1-Л. Видимо, для выражения каузативно-инхоативного значения К-IN в ПОВЕЛ эта фразема особо преферируется среди целого ряда альтернатив (К5,6,7 и др.). Словарем предусматривается также только невозвратная форма глагола, а следовательно и актант *někomu* (кому-то), в нашем же материале около трети примеров даны в форме ВОЗВ:

Dopřej staříkovi tu ⟨радost⟩. Ale pak se vrátíme do hotelu
Dopřej mi tu ⟨радost⟩!” „Tfuj,” odplivl si Rogožin
Dopřejte otci Murphymu tu ⟨радost⟩ a dovolte mu, aby zachránil vaše

Конструкции с пассивом глагола тоже не так часты у коллокаций с похожим значением, но сочетаются они в наших примерах не с «чистым» именным компонентом в ВИН, а с именной группой, с существительным в РОД (форма управления, не предусмотренная СЧФИ):

byl dopřán byt' i nejslabší *stín* ⟨радosti⟩, byl od narození neduživý a pokřivený
bylo dopřáno té ⟨радosti⟩, že bych k vám mohl přijít.
však nakonec **nebyla dopřána** ani ⟨радost⟩ *z bodu*.” Kalich hořkosti jsme

Обычной для фраземы является и форма глагола в СОСЛ, здесь в сочетании с модальными глаголами:

kterému **bych nechtěl dopřát** ⟨радost⟩ z toho, že mě přežil
vypadá pěkně. **Abyste si tuto** ⟨радost⟩ **mohli také dopřát**, následujte
utrpení, **bych si nemohla dopřát** ⟨радost⟩ z dalšího dítěte?

Среди всех глагольных фразем со словом **radost** из СЧФИ именно Ф7 представляется наименее идиоматичной и наиболее близкой «простым» коллокациям. В толковом же словаре фраза *d-ej mi tu radost* приведена как простая иллюстрация, а не «за ромбом».

Анализ фразем преследовал следующую цель: показать, что в реальных условиях употребления устойчивых сочетаний типа V-Sabstr разной степени идиоматичности и фразеологичности (идиом, фразем, коллокаций / квазифразем) между этими «типами фразеологизмов» очень трудно, если не невозможно провести ощутимую границу. Устойчивая сочетаемость лексем, очевидно, не может уложиться ни в эти три «класса», ни в другую, более детальную классификацию, а представляет собой перманентное явление на пересечении сфер синтактики и парадигматики.

5. Существительное *radost* в составе коллокаций

В ограниченных рамках настоящего доклада невозможно сколь угодно полно отразить все важные и интересные аспекты сочетаемости данного существительного в массе отмеченных и тем более не зафиксированных словарями глагольных коллокаций. Поэтому ниже мы остановимся всего на нескольких примерах, но сосредоточимся на общих выводах или гипотезах, возникших как результат описания функционирования коллокаций в тексте.

Так, к подтипу значений «портить радость» (коллокация К9 *zkazit radost* и отчасти фразема Ф11 *mít zkaženou radost*) относится и не отмечаемая словарями коллокация *kalit radost*. Ее частотность достаточно высока (27), а переинтерпретированность, метафоричность не уступает Ф11 или К9. Условия употребления глагольного компонента, видимо, сильно ограничены: в ЧНК обнаружены только формы ПРОШ в трех родах и только в ЕД числе и 3-Л:

Nepřízeň okolností **kalila** císařovu (radost) a chmury brázdily hlubokými vráskami
časová tíseň **kalila** opravdovou (radost), že ho po letech zase má vedle
Na Šumavě **kalila** lidem (radost) ze sněhu stávkující technika

В своем стандартном, или «немаркированном» употреблении К9 (всего в ЧНК около 40 примеров) употребляется не слишком часто, при этом в соответствии с формой СОВ глагол выражает значения БУД и ПРОШ времени, обычен актант *кому* (испорчена радость) и возможно введение отрицания:

Viděl, že *matce* **zkazil** (radost), a bylo mu jí líto.
Bude to trapné a urážlivé a **zkazí jí** to (radost) z nákupu.
Červenec *nám* tu (radost) však záhy **zkazí**.
Nic **nezkazí** (radost) rychleji, než studené uši nebo prsty u nohou.

Одной из особенностей использования К9 является регулярное употребление вместе с различными модальными глаголами или заменяющими их модальными выражениями. Это, очевидно, связано со значением коллокации, ведь *портить радость* — *плохо*, тем самым действие должно быть обосновано, «оправдано», или по крайней мере сигнализировано вперед:

Tak vám **musím zkazit** (radost).
Ty mi ale **musíš zkazit** každou (radost) a to ti vůbec nevadí, že jsem kvůli tobě
Vivian **nechtěla zkazit** Flemingovi (radost).

Другой особенностью является распространенное «терминологическо-сленговое» использование К9 в спортивном комментарии в значении потерянные очки или проигрыш:

Tábor už myslel na tři body, ale Pivoňka mu **zkazil** (radost)
(Radost) jim **zkazil** Dopita, po jehož druhé střele Niinimaa zalehl puk v brankovišti.
Pardubickou (radost) **nemohly zkazit** ani dva góly plzeňského Lešky.

При анализе таких многочисленных контекстов приходится задаться

вопросом, насколько это специфическое значение соответствует чисто словарному толкованию его как К-TERM.

В контекстах с К9/СОВ не встречено ни одного примера с ПОВЕЛ, хотя чисто с грамматической точки зрения эта форма возможна и у СОВ. В примерах на употребление К9/НЕСОВ (всего 45 случаев в ЧНК) отметим поэтому прежде всего форму ПОВЕЛ:

Tak té své choti **nekaz** (radost), schovej ten lavór a pojď si lehnout!

В случае с К9/НЕСОВ привычность использования модальных глаголов видится как контекстуальная потребность, где на первом месте надо отметить выражение смысла «не хотеть портить радость»:

Nechci kazit (radost) budoucím badatelům, porovnávajícím obě verze

Teď mi řekneš, že to přeháním.” „**Nechci ti kazit** (radost).”

Nechci mu kazit (radost) a vcházím do místnosti s rozbitými okny

Другие модальные глаголы и выражения модальности не кажутся стабилизированными средствами, а скорее весьма разнообразны по способу выражения модальности:

budu mít sám pro sebe a v sobě, ale že **nesmím kazit** (radost): ženě Xeně, ale hlavně své dcerce.

že nikdo **nemá právo** zatěžovat bližního a **kazit** mu (radost) a *veselí duše*

Jejich manželky si však většinou **nenechají** (radost) z Vánoc **kazit**.

Тем не менее, радость может быть испорчена, и тогда возникает вопрос, *какая* радость или *радость чего* портится/не портится кем-то или чем-то; одной из таких *радостей* является часть фраземы Ф9 — именное сочетание:

Disciplína je věci zvyku, a je – li vžita, **nekazí** psovi (radost) *ze života*.

zpomaluje jejich psychický i motorický výkon, **kazí** jim (radost) *ze života*, nedovolí, aby se z čehokoliv radovali

В следующих контекстах мы пытались проиллюстрировать обычность выражения и другого немаловажного обстоятельства — *что* портит людям радость. Список таких причин тематически и формально, кажется, ничем не ограничивается — это и запрет жить сексуальной жизнью перед супружеством, и угрызения совести, низкие закупочные цены и плохая погода и многое другое:

Někteří *obviňují Pána Boha* z toho, že nám **kazí** (radost), **když** nám nedovoluje žít sexuálně před manželstvím

Ono se totiž všechno zase urovná a **pak by** Vám (radost) z usmiřování **kazily** výčitky svědomí

(Radost) z vysokého vítězství **kazí** Dallasu pouze odstoupení

Děšť **kazil** (radost) atletům i divákům RIETI

Zdá se tedy, že **si sám kazí** (radost). Což je smutný příběh

(Radost) z hřebenových túr **kazil** silný vítr a nízké teploty

neprohráli v extralize už devět zápasů v řadě, skutečnou (radost) jim **kazí** špatné závěry utkání

Jestli mu něco **kazí** (radost), tak jsou to nízké výkupní ceny hroznů

При сравнении употребления К9/СОВ и НЕСОВ прежде всего надо отметить, что во втором случае спортивно-сленговое употребление нехарактерно (хотя сам спортивный контекст не исключен — но радость спортсменам здесь портит, например, плохая погода). В выражении модальных значений нами не обнаружен глагол *muset* (должен), как у К9/СОВ, где, наоборот, не было зарегистрировано использование глагола *smět*. В целом надо прийти к выводу, что наблюдаются значительные расхождения в условиях использования СОВ и НЕСОВ форм у данной коллокации, а также повторить наше сомнение по поводу того, выражает ли К9/НЕСОВ всегда и только значение К-TERM.

В СЧФИ в списке коллокаций приведена К1 — *dostat radost*. Такая коллокация существует в чешском языке, однако данные ЧНК ставят под вопрос необходимость фиксации именно этой коллокации во фразеологическом словаре на фоне ряда других, там не зафиксированных: частотность ее употребления в ЧНК равна всего трем случаям. При этом надо отметить, что при помощи позитивного фильтра было обнаружено 46 контекстов с «соседством» данного глагола и данного существительного в рамках заданного параметра (от -5 до +5). Однако анализ всех этих контекстов показал, что К1 среди них использована всего в следующих примерах:

Dostal jsem z nich ⟨radost⟩. Přistoupil jsem k dědovi a zeptal
Dostal jsem obrovskou ⟨radost⟩. Věděl jsem hned, že se nezachová
 а **dostal jsem ohromnou** ⟨radost⟩, protože to bylo přesně to pravý

У глагольных сочетаний существительного **radost** мы уже указывали на некоторые «низкочастотные» глаголы (напр., глагол *jevit* — 4). Приведем сведения по другим таким глаголам или их видовым формам. Так, к редким можно отнести симптоматический глагол *zachvěť se* — 5, метафорический *šilet* — 3 (Ф14), и такие же метафорические, но не отмеченные словарями *opájet se* — 2, *tlumit* — 2, форму НЕСОВ — продолжительного *cítivat* — 1. Интересно, что к «нулевому» результату поиска, как это ни парадоксально, относится фраза из СЧФИ Ф16 — *zříct se radostí a slastí života*. Стоит отметить и тот факт, что у Ф7 с двумя видовыми формами для СОВ *dopřát* частотность — 26, а для НЕСОВ *dopřávat* всего — 2.

Использование глагола *naplnit/naplňovat* в коллокациях с названием эмоции положительного типа вписывается в концепцию метафорического толкования эмоций, где «эмоция — жидкость, которой наполняется сосуд — душа». Интересно, что в списке коллокаций в СЧФИ под номером К10 стоит сочетание (Subj: *zaplavit někoho*), основанное на схожем типе метафоры, где эмоция — не только жидкость, но и «жидкая» стихия, способная «затопить, залить» душу человека.

že se budu moci těšit ⟨radosti⟩, která mě **zaplavila** toho jitra
 „Náš tata.“ *Nesmírná* ⟨radost⟩ mě **zaplavila**, protože řekl

K10 — всего лишь одна из «рядовых» коллокаций существительного *radost*, которая не отличается ни высокой частотностью, ни какими-то особенными условиями употребления. Гораздо более «богаты» разными интересными подробностями контексты употребления коллокации с глаголом *naplňit/naplňovat*. В частности, для нее характерно сочетание не только с самим словом **radost**, но и с его комбинацией с родовым существительным; при этом отметим возможность расширения списка эмоций или душевных состояний в рамках той же коллокации:

Tyto návštěvy mě **naplňovaly** *pocitem* <radosti> a *provínilosti* zároveň.
Pocítíte záchvěv radosti, cítíte, že vás **naplňuje** *pocit* <radosti> a *úžasu*. Světlo ve vašem srdci září ještě jasněji
Naplňují ho úchvatné *pocity* <radosti>, *lásky* a *pokoje*.

В списке коллокаций СЧФИ в группе с каузативно-дуративным значением (K-DUR) приводится коллокация *přinášet radost* (K8). Частое использование этого глагола (200) не ограничено формой НЕСОВ, как можно было бы ошибочно судить по данным СЧФИ.

Особенностью употребления K8 является то, что она часто используется как средство выражения сентенции или описания ситуации, в которой *radost* вообще или *radosti* *žizni* противопоставлены негативным ощущениям или состояниям:

„Všechno, co **přináší** <radost>, **pokládá za hřích**. A úzkostlivě se vyhýbá
Kromě <radostí> **přináší** život i **zármutky**
myšlenky a obrazy, který **přinášejí** *nepopsatelnou* <radost> a **ještě větší bolest**
listy od přátel, **nepřinášely** mu ani <radost> ani **útěchu**
O jeho radost? Nakonec **přinášely** *víc utrpení než* <radosti>. Beethoven ovšem nemohl rozměňovat svůj život

С другой стороны, если ситуация полностью положительна, то одной *radosti* как бы не достаёт для выражения этой полноты, отсюда, очевидно, использование коллокации K8 с другими именными компонентами, часто синонимами:

Kněz se rozhovořil o Lukově touze **přinášet** lidem <radost> a *zábavu*.
umožnili totéž lidem ve svém okolí, **přinášeli** jim <radost> a *dobrou pohodu*.
je pocit, který **přináší** velké *uspokojení* a <radost>

Использование K8 в контекстах, как показывает материал ЧНК, ограничивается в основном нарративно-описательной функцией, коллокация сама по себе достаточно нейтральна и, очевидно, благодаря этому широко употребима. Достаточно сравнить это с выражением прямо противоположного эмоционального заряда — «буйно-симптоматической» фраземой Ф14 (*šilet radostí*), которая, однако, обнаружена в ЧНК всего три раза.

В целом, если сравнить такие двух-и многосоставные сочетания с K8/НЕСОВ, можно наблюдать различие в выборе «второго» компонента: в примерах с K8/НЕСОВ мы не обнаружили существительных *štěstí*, *smutek*, *zklamání*, также как и в примерах с K8/СОВ нет таких ком-

понентов как *zábava, bolest, potěšení*. Особого внимания заслуживали бы комбинации коллокации K8/COB с другими существительными, которые, однако, в отличие от описанных выше вторых компонентов — названий эмоций или душевных состояний — показывают другой аспект сочетаемостных потенциалов глагола:

lidmi, kterým **porod nepřinesl** (radost), **ale stres a zoufalství**
přinesl sportovním fanouškům **chvilu** (radosti) **i hořkého zklamání**.

Эти примеры являются как бы переходным случаем между двумя типами коллокаций с «дополнительным» именным элементом — здесь существительные *stres* и *chvilu* разбивают однородность сочетания, но в основе сочетаний остаются все еще имена эмоций или названия состояний души. В остальных примерах спектр существительных расширяется, что указывает на некую «универсальность» сочетаемости данного глагола, или вернее на то, что глаголу «не мешает» его занятость в коллокации в способности присоединить, управлять еще одним, несколькими существительными:

představení **přinesla** *viditelně* (radost) a *zajímavou zkušenost*.
přinesl *zvrát, místo starosti* (radost), *místo smutku den pohody*.
 hokejovou školu. Přinese mi to (radost) **i dobrý výdělek** a budu s životem
 pouliční partě, **přinesl potlesk a** (radost). A ty se řetězovitě **přenesly**
přinesla letošní bikrosová sezona (radost) **i slzy**. K největším úspěchům
 pardubické mnohým **přineslo slávu a** (radost), ale úctu si zaslouží i ti,

Это наблюдение, по нашему мнению, важно по двум причинам: во-первых, это необходимость задуматься над постулатом о большой устойчивости коллокаций типа V–*Sabstr*, ведь «ввод второго компонента», расширение коллокации не только «органическими» элементами — атрибутами, интенсификаторами и т. п., но и «неорганическими», противоречит обычному пониманию устойчивости. Во-вторых, мы далеко не уверены в том, что такие «вторые компоненты» как, например, *deprese, stres, zoufalství, výdělek, věhlas*, сами по себе, т. е. без завязки на слово *radost*, естественно бы сочетались в той же конструкции с глаголом *přinést*. То же сомнение относится и к следующему примеру: *pokus ale žádný zvláštní důvod* k (radosti) **nepřinesl**.

И хотя нельзя исключить возможность сочетаемости существительного *důvod* (*причина*) с глаголом *přinést*, но надо заметить, что она не предполагается для слова *důvod* ни СЧФИ (SČFI3, 1: 178), ни (Веčka 1977: 336), а возникла возможность такой сочетаемости как контаминация — вопрос только в том, оценивать ли ее с позиции «неправильности», или же с позиций еще не изученных нами сочетаемостных потенциалов лексем.

Проанализировав в нашем исследовании приведенные выше и многие другие случаи употребления фразем и коллокаций со словом *radost*, мы перешли от контекстов низкой и средней частотности к таким примерам, когда сочетание данного существительного с определенным

глаголом встречается в базе данных Чешского национального корпуса многие сотни и даже тысячи раз. Это глаголы *dělat/udělat* и *mít*. Естественно, что мы не сможем представить здесь все подробности работы с таким огромным объемом материала (напр., принципы выбора образцов конкордансов, «отсев» коллокаций от «случайных» соседств именной и глагольной лексемы, выделение групп примеров для анализа и др.). Остановимся поэтому лишь на общих выводах, прежде чем подвести итог всему исследованию.

Комбинация глагола *dělat* со словом *radost* (что далеко не всегда — коллокация К6 с НЕСОВ формой глагола) обнаружена в ЧНК 248 раз, комбинация с глаголом *udělat* (но не всегда коллокация К5 с СОВ формой) — 665 раз.

При описании грамматических особенностей этих коллокаций отмечалось использование наклонений, лица и др. (Chlapče, **děláš** mi *radost*). A Karlovi to jde, tak **ať** zpívá a **dělá** lidem *radost*, dokud může.), введение в предложение синтаксического «формального субъекта» — местоимения **to**, актанта-бенифицианта, атрибута к ключевому слову (Čím vznešeněji se tvářil, tím **větší** *radost* **to dělalo** tetě. Někdy jí **to dělalo** náramnou *radost*.), использование синтаксических конструкций с субъектом-ИНФ (**Dělá** mi *radost* **objevovat život** ve všem kolem nás) и с формой **rád** (Chtěl jsem, protože **rád dělám** lidem *radost*.), воздействие модальной функции (Já **se snažím dělat** *radost* pořád).

Обнаружилось, что арсенал источников радости поистине безграничен: радость может вызываться совершенно конкретными вещами (пища) и конкретными предметами в метонимической функции (*экран телевизора* — в значении *любить смотреть телевизор*), но это могут быть и абстрактные сущности (*оптимизм*) и т. д.:

Radost) jí **dělala** párková pizza, koblihy a televizní obrazovka, na kterou koukala, Ale musím přiznat, že mi **dělá** *radost* vidět vás, jak jste se přiblížili ke štěstí, než jsem se tu objevila já.

Dělalo mu *radost* proměnit vnější chaos v poetický pořádek.

Optimismus hráčů mi **dělá** *radost*, je to lepší, než když se na zápas netěší

К наиболее типичным контекстам функционирования К5 надо отнести ее использование во фразах достаточно шаблонного типа, неких речевых формулах, которые нельзя отнести к пропозиционным фраземам, но привычность которых, однако, ощущается носителями языка:

„**Mohu - li** vám tím **udělat** *radost* ...” řekl tiše

Přece jste přišly, děvčata ! **Udělaly jste** mi náramnou *radost*!

Ráda bych ti v tom vyhověla, **když** ti to **udělá** *radost*, jenže potíží je v tom,

Регулярным представляется использование коллокации в комбинации с модальными глаголами, к числу которых можно отнести и глаголы с более выраженными самостоятельными значениями, как в первых примерах:

Hrozně **si přál udělat** Sáře *radost* tím, že si získá přízeň jejího otce

a občas **se snažíme udělat** *radost* jeden druhému a to mě víc než potěšilo.

tak nějak **jsem jí chtěl udělat** radost a koneckonců ⟨radost⟩ i sám sobě

При сравнении коллокаций К5 с СОВ и К6 с НЕСОВ формами глаголов мы, однако, не смогли обнаружить никаких грамматических или семантических причин, объясняющих более высокую частотность СОВ формы. Если исключить из нашего поля зрения фраземы Ф3–4–5 и некоторые явления скорее прагматического характера (частица-местоимение *to*, речевые формулы), то можно подойти к заключению, что сами коллокации К5–6 являются достаточно нейтральными, и потому, очевидно, наиболее распространенными средствами выражения значения K-IN, K-DUR, а для контекстов их употребления характерна прежде всего нарративность.

Прежде чем перейти к коллокации самой высокой частотности — К3 с глаголом *mít* — укажем на небольшую группу контекстов с коллокацией того же значения. Коллокация **vychutnat** ⟨radost⟩ стоит, очевидно, ближе всего к самой частотной коллокации К3 *mít radost* со значением DUR, только отличается от нее той «образностью», которую сообщает прямое значение глагола (нечто вроде *смаковать*, хотя словарный эквивалент в ЧСР — *nasлаждаться*).

nejen se učit, ale také **vychutnat** ⟨radost⟩ z harmonické realizace specifických
práci jim **umožní lépe vychutnat** ⟨radost⟩ z dětí a neneurotizovat se možnostmi
⟨Radost⟩ ze vstupenky **si mohli vychutnat**

Естественно, два с небольшим десятка примеров на использование данной коллокации (в СОВ и НЕСОВ формах) в сравнении с частотностью 2619 для К3, т. е. в 100 раз большей, вряд ли могут свидетельствовать о какой-то «конкуренции» для К3 со стороны данной коллокации, но само ее наличие убеждает нас в том, что широко употребительное существительное абстрактного значения, несущее в языке большую номинативную и коммуникативную нагрузку, не останавливает свой выбор только на определенном типе глагольных партнеров, а ищет такого партнера в соответствии со своими выразительными потребностями как среди «опустошенных», «почти-чисто» функциональных глаголов (*mít, dát, dostat, dělat*), т. е. «простых», так и среди более «сложных», специфических по форме и по значению, при этом внутренняя метафоричность самого глагола может оказаться выгодным средством номинации нужного «заданного смысла».

После того, как мы попытались, выбирая наиболее характерные контексты, исследовать условия употребления вербо-номинальных коллокаций существительного *radost*, мы подошли к коллокации К3 с частотностью, во много раз превышающей частотность всех доселе описанных коллокаций — вместе взятых. Даже если мы введем какие-то математические поправки на неточность нашей статистики, надо признать, что почти каждый четвертый случай употребления существительного *radost* в чешском языке приходится на данное глагольное сочетание. Подробно описать порядка 2500 контекстов — задача, ко-

нечно же, невыполнимая в рамках нашего исследования и нашими, традиционно-филологическими методами. Естественно, при таком объеме материала можно было бы обработать его статистически с точки зрения выявления данных употребления отдельных грамматических форм обоих компонентов (т. е. наличие/отсутствие и число форм всех глагольных и именных категорий). Однако мы этого не делали, во-первых, потому, что было бы обработать его статистически с точки зрения выявления данных употребления отдельных грамматических форм обоих компонентов (т.е. наличие/отсутствие и число форм всех глагольных и именных категорий). Однако мы этого не делали, во-первых, *pšitelová a kol. 1985*) — такие, как частотность НАСТ, БУД и ПРОШ времени, наклонений и т. д. Во-вторых, там, где эти данные могли бы оказаться специфическими (очевидно, ЕД и МН число для именного компонента покажет большую диспропорцию), эта разница не представляется нам показательной с точки зрения наших интересов, так как в примере с ЕД и МН числом подчеркнула бы только разницу между двумя различными значениями существительного (не эмоция, а то, что ее вызывает). Статистика, представляющаяся нам показательной с точки зрения наших задач, касается, например, того факта, что коллокация К1 с высокочастотным самим по себе глаголом *dostat* представлена в ЧНК всего количеством 3, а К3 — числом около 2500, так как за этой статистикой кроется проблема выяснения причин, почему значение инхотивности выражается так редко в сравнении со значением дуративности.

Коллокация К3 допускает использование всех времен, лиц, наклонений, ввод массы атрибутов, квалификаторов и актантов, создает речевые шаблоны („*To máte <radost>, že? To z vás musí mít žena <radost>, řekl Rykr*), иначе говоря — использование этой коллокации универсально. Оно не может быть другим, не может ограничиться только какими-то определенными рамками и условиями, как мы наблюдали это в случае многих других коллокаций, поскольку как универсальность, немаркированность его дуративного значения (радость имеет место), так и экстремально высокая частотность обоих компонентов самих по себе и в комбинации друг с другом делают эту коллокацию универсальной в употреблении.

6. Выводы

Результаты исследования коллокаций существительного *radost* показали, что не только дефиниция этого слова в толковом словаре, но и статьи фразем и квазифразем с этим словом в СЧФИ нуждаются в коррекции. Представляется нецелесообразным рассматривать проблематику вербо-номинальных коллокаций в рамках лингвистической дисциплины, носящей уже традиционное название *фразеологии*. Попытки изучать коллокации только в рамках этой дисциплины приводят к не-

правомерным искажениям, так как суггерируют представление о некой исключительности этих надсловных единиц лексикона. Коллокации не видятся нам аномальными сочетаниями лексем, а видятся сочетаниями вполне *регулярными*, что не мешает им быть сочетаниями устойчивыми. Нецелесообразно деление сочетаний лексем на резко очерченные классы, а полезнее представление лексической комбинаторики в виде процесса или шкалы потенциальных номинативных возможностей. Анализ материала показал, что сочетаемость глагола и существительного абстрактного значения типа названий эмоций всегда мотивировано семантически, но происходит это не потому, что самостоятельные значения глагольного и именного компонента обязательно содержат какие-то семы, происходящие из их «логической и вещной природы», которые заранее «предопределены» к взаимной селекции, а как бы «наоборот». Если имеется или возникает номинативная потребность выражения некоего «заданного смысла», например, инхоативного значения типа «данная эмоция начинает иметь место», то из определенного класса глаголов существительное — имя эмоции «выберет себе» того или иного необходимого коллокационного партнера (почему устойчиво именно его, а не «соседа» по классу — загадка, но не в смысле «капризов узуса», а в смысле ограниченности наших познаний для ее разгадки на настоящий момент), но при этом тоже самое имя эмоции может выбрать себе в партнеры на первый взгляд и совершенно «неожиданный» глагол, который, однако, в случае узуализации (статистически подтвержденной обычности употребления) будет вынужден изменить/расширить свое значение в соответствии с «заданным смыслом».

Коллокации в корпусе позволили отметить большой вес индивидуального, «авторского», «неожиданного» на фоне прототипичного, устойчивого, узуального. Это свидетельствует об огромной значимости потенциального в естественном языке, а также и о необходимости изучать его наравне с прототипичным.

Статистика и контекстуальные особенности употребления коллокаций ставят задачу разработки методологии составления статистически обоснованных коллокационных парадигм для каждого абстрактного существительного отдельно, т.е. подтверждается потребность дальнейшего изучения вербо-номинальных и других коллокаций современного чешского языка на базе объективных данных Чешского национального корпуса. Работа же с такими большими объемами данных требует в свою очередь новых, в частности автоматизированных, методов лингвистической обработки языкового материала.

Библиография

- Benson 1987 — *Morton BENSON*, Collocations and Idioms. — in: Dictionaries, Lexicography and Language Learning. Oxford–N.Y.–Toronto–Sydney–Frankfurt: Pergamoin Press, 1987.
 Čermák 1974 — *František ČERMÁK*, Viceslovní pojmenování typu verbum–substantivum v češtině (Příspěvek k syntagmatice tzv. abstrakt). — in: Slovo a Slovesnost 35 (1974) 287–306.

- Čermák 2001a — *František ČERMÁK*, Syntagmatika slovníku: typy lexikálních kombinací. — in: Hladká, Z.—Karlík, P. (Eds.): *Čeština – univerzália a specifika*, 3. Brno 2001.
- Čermák 2001b — *František ČERMÁK*, Substance of Idioms: perennial problems, lack of data or theory? — in: *International Journal of Lexicography*, Vol. 14, No. 1, 2001 Oxford.
- Erhart–Večerka 1981 — *A. ERHART–R. VEČERKA*, Úvod do etymologie. SPN, Praha 1981.
- Šulc 1999 — *M. ŠULC*, Korpusová lingvistika. První vstup. Karolinum, Praha 1999.
- Апресян 1999 — *Ю. Д. Апресян*, Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия. — in: *Известия АН. Серия литературы и языка*. 58 (1999) 4. 39–53.
- Баранов и Добровольский 1995 — *А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский*, Современная русская идиоматика (проект словаря). — in: *Русистика сегодня 1995/4*.
- Баранов и Добровольский 1996 — *А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский*, Идиоматичность и идиомы. — in: *Вопросы языкознания 1996/5*. 51–64.
- Мокиенко 2002 — *В. М. Мокиенко*, Проблемы европейской фразеологической неологистики. — in: *Slowo. Tekst. Czas — VI (Nowa frazeologia w nowej Europie)*. Szczecin—Greifswald 2002, 63–76.
- Телия 1995 — *В. Н. Телия*, К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы. — in: *Язык — система, язык — текст, язык — способность. К 60-летию акад. Ю. Н. Караулова*. Москва 1995.
- Телия 1996 — *В. Н. Телия*, Русская фразеология. Москва 1996.
- Федосов 2002 — *Oleg FEDOSZOV*, Некоторые вопросы сочетаемости слов (на материале чешских лексем — названий эмоций (nomina affecti) с использованием базы данных Чешского национального корпуса (ČNK) — Автореферат диссертации (PhD), Budapest 2002.

Словарные источники

- Аникин 1988 — Русские пословицы и поговорки. Под ред. В. П. Аникина. Москва 1988.
- Дерибас 1979 — *Дерибас В. М.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка (словарь-справочник). Москва 1979.
- Михельсон 1994 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь (Свое и чужое). 1–2. Москва 1994.
- Ожегов 1975 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Москва 1975.
- РАС — Русский ассоциативный словарь. 1–2. Авторы: *Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова*. Москва 1994
- СЧФИ – SČFI 1/2/3 — *Slovník české frazeologie a idiomatiky*, red. F. Čermák, J. Hronek, J. Machač, Praha, Přirovnání 1983, Výrazy neslovesné 1988, Výrazy slovesné I–II 1994.
- СЯРЖ 2001 — *Г. Е. Крейдлин*. Кинесика. — В кн.: *С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин*. Словарь языка русских жестов. Москва—Вена 2001.
- ЧРС 1976 — Чешско-русский словарь, 1–2, под ред. *Л. В. Копецкого, Й. Филиппа, О. Лешки*. Москва—Прага 1976.
- Веčka 1977 — *J. V. VEČKA*, Slovník synonym a frazeologizmů. Praha (1977).
- Čelakovský 1949/2000 — *F. L. ČELAKOVSKÝ*, Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha 2000.
- Dittnerová—Schindler 1997 — *D. DITTNEROVÁ—F. SCHINDLER*, Česká přísloví. (Soudobý stav konce 20. století). Praha 1997.
- Machek 1997 — *Václav MACHEK*, Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1997.
- SČFI 1/2/3 — *Slovník české frazeologie a idiomatiky*, red. F. Čermák, J. Hronek, J. Machač, Praha, Přirovnání 1983, Výrazy neslovesné 1988, Výrazy slovesné I–II 1994.